RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices
Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность
2017 Том 14 № 3 504—516
http://journals.rudn.ru/education-languages

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-504-516
УДК 82

ВОСПРИЯТИЕ ИДЕЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО ЛЮДВИГОМ ВИТГЕНШТЕЙНОМ

Дирк Фалькнер

Хагенский университет
Хаген, Германия, 58084

Автор пытается осмыслить то, как воспринимал идеи Льва Толстого австрийский философ Людвиг Витгенштейн (1889—1951). Внимание уделяется аналитико-философским, религиозным, морально-этическим, политическим и педагогическим аспектам.

Подробно анализируются причины, по которым творчество Толстого оказало решающее влияние на мировоззрение Витгенштейна, автор раскрывает прямые заимствования, а также показывает, что даже противоречия в суждениях обоих мыслителей парадоксальным образом объясняются своеобразным переосмыслением толстовских идей Людвигом Витгенштейном.

Ключевые слова: Лев Толстой, Людвиг Витгенштейн, философия, XX в.

Я продолжаю повторять слова Толстого:
«Человек бессилен во плоти и свободен духом»
Людвиг Витгенштейн [1. С. 21]

1. ВВЕДЕНИЕ

На первый взгляд они выглядят совершенными антиподами. Что общего могло быть у исследователя логики, аналитической философии и философии языка с политическим, социальным и религиозным мыслителем, корифеем художественной литературы?

Однако более внимательный взгляд позволяет с полным правом назвать творчество русского писателя и мыслителя одним из главных, если не главнейшим, источником мировоззрения австрийского философа, причем даже кажущиеся противоречия между идеями Толстого и Витгенштейна парадоксальным образом объясняются переосмысленными взглядами Льва Николаевича.

С религиозно-философским и художественным творчеством Льва Толстого Людвиг Витгенштейн впервые познакомился вскоре после кончины великого русского писателя.

В 1912 г. он «запоем» прочел книгу Вильяма Джеймса «Разновидности религиозного опыта» [2], в которой подробно излагались богословские взгляды Льва Николаевича, а также его посмертно опубликованную повесть «Хаджи Мурат» [3. С. 11].

Однако настоящий интерес Витгенштейна к творчеству Толстого проснулся только в годы Первой мировой войны, куда он уже в начале августа 1914 г. отправился добровольцем — отчасти из «аполитичного патриотизма», отчасти желая найти утерянный смысл жизни, подвергая себя смертельной опасности [4. С. 653].

2. ОБСУЖДЕНИЕ

2.1. Аналитическая философия

Многолетнее увлечение творчеством Льва Толстого оставило глубокое влияние на произведения Людвига Витгенштейна, в том числе и на главную сферу его деятельности — аналитическую философию. При этом следует отметить, что речь идет как о прямом воздействии (через языковедческие идеи Льва Толстого), так и о косвенном влиянии — путем переноса на аналитическую философию религиозных мыслей Льва Николаевича.

Еще в «Войне и мире» Толстой высказал идею, что отдельные слова, фразы и даже песни и рассказы не обладают метафизическим значением, но имеют смысл только в конкретно жизненной и общественной ситуации, а при вырывании из контекста теряют его [9. Т. 12. С. 50—51; 10]. Эта идея стала одним из важнейших концептов выработанной Людвигом Витгенштейном философии языка [11. С. 653].

Широко известно также отношение Льва Толстого к евангельским рассказам о сотворенных Иусусом чудесах, которые он либо полностью отвергал [9. Т. 24. С. 84], либо истолковывал рационально [9. Т. 24. С. 311]. Витгенштейн перенес толстовскую критику на сферу философской метафизики: «Правильным методом философии был бы следующий: не говорить ничего, кроме того, что может быть сказано, — следовательно, кроме предложений естествознания, т.е. того, что не имеет ничего общего с философией, и затем всегда, когда кто-нибудь захочет сказать нечто метафизическое, показать ему, что он не дал никакого значения некоторым знакам в своих предложениях. Этот метод был бы неудовлетворителен для нашего собеседника — он не чувствовал бы, что мы учим его философии, но все же это был бы единственный строго правильный метод [11].

Практическим следствием этой позиции [8. С. 195] явилось отрицание Витгенштейном в «Логико-философском трактате» (1921) логических констант, души — метафизического субъекта, причинной связи и т.д. И если Толстой отверг отождествление (несовершенных) религиозных идей с божеством как таковым в пользу антропоцентристских представлений, то Витгенштейн пошел еще дальше, объявив язык носителем (ложной) мысли [12. С. 328, 329] и провозгласив целью (теоретической) философии «борьбу против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка» [12. С. 109]. Несмотря на критическое отношение к устоявшимся религиозным системам, Лев Толстой отвергал наивную веру во всесилие науки и утверждал, что ни она, ни философия не способны дать ответ на вопрос о смысле жизни [13. С. 18]. Людвиг Витгенштейн перенял и развил это представление, придя к заключению в «Логико-философском трактате», что смысл жизни отражается в поступках, но не может быть описан словами [13. С. 18, 19].

При этом Толстой вовсе не отрицал возможность консенсуса между людьми с различными религиозными представлениями. «Все то, во что истинно верят люди, должно быть истина; она может быть различно выражаема, но ложью она не может быть, и потому если она мне представляется ложью, то это значит только то, что я не понимаю ее» [9. Т. 23. С. 48].

Его ученик Людвиг Витгенштейн пришел к оптимистическому заключению, что взаимопонимание между его пользователями возможно на основе консенсуального «совместного поведения людей» [12. С. 206]. Эта идея сближала Витгенштейна с восточными учениями [13. С. 18], которые, в свою очередь, знал и ценил Лев Толстой. [14. С. 482; 15. С. 265].

2.2. Религия

Религиозные взгляды Льва Толстого оказали также и прямое влияние на идеи Людвига Витгенштейна — воздействием на его собственные теологические преставления. Это относится прежде всего к самому определению понятия «вера». Лев Толстой не отвергал это явление как ненужное или устаревшее, но описывал его как «не надежду и не доверие, а особое душевное состояние...сознание человеком такого своего положения в мире, которое обязывает его к известным поступкам [9. Т. 35. С. 48].

Под влиянием этой идеи Людвиг Витгенштейн рассматривал религиозную веру как *деятельность*, поддерживающую человека при нахождении смысла жизни [16. С. 29] категорически отрицая мнение о ее постепенном отмирании в процессе культурного развития [7. С. 340]. Толстой однозначно отвергал традиционное представление о всесильном и всемогущем Творце, создавшем мир и направляющем мир, а также передающем людям свою волю через пророков. Он отождествлял Бога с активной любовью к ближнему и считал дух человека искоркой божественного огня [17. С. 164—166; 13. С. 165]. Таким образом Толстой, хотя и отрицал прямое божественное влияние на судьбы мира, признавал Бога (Духа) «источник(ом) всего» [9. Т. 23. С. 143], в том числе и священных книг.

«Бога же — духа, бога — любовь, единого бога — начало всего, не только не отвергаю, но ничего не признаю действительно существующим, кроме Бога, и весь смысл жизни вижу только в исполнении воли Бога, выраженной в христианском учении» [9. Т. 34. С. 248].

Людвиг Витгенштейн высказывал очень схожие идеи еще во время Первой мировой войны. С одной стороны, мыслитель утверждал: «Бог не проявляется в мире» [11. 6.432], но в то же время писал: «Что я знаю о Боге и о цели жизни? Я знаю, что этот мир существует. Что я помещен в нем, как мой глаз в своем поле зрения... Что моя воля пронизывает мир. Что моя воля является доброй или злой. Следовательно, что добро и зло как-то связаны со значением мира. Смысл жизни, т.е. значение мира, мы можем назвать Богом. И связать с таким пониманием мира сравнение Бога с отцом» [18].

Несмотря на свои ярко выраженные пантеистические представления, Лев Толстой придавал большое влияние молитве: «[она] необходима не как средство избавления от мирских бедствий и приобретения мирских благ, а как средство укре-

пления человека в борьбе с грехами. Для борьбы с грехами человеку нужно понимать и помнить о своем положении в мире и при совершении каждого поступка оценивать его для того, чтобы не впасть в грех. Для того и другого нужна молитва» [9. Т. 39. С. 185]. Ценил молитву и Людвиг Витгенштейн, утверждавший: «Молиться — значит думать о смысле жизни» [18]. Он многократно записывал в дневнике во время сражений Первой мировой войны свои просьбы к Богу (Духу) (употребляя эти понятия как синонимы) придать себе силу воли и ясность рассудка [19. С. 237—240].

Пантеистические убеждения Льва Толстого оказали влияние и на его представления о бессмертии души — он отверг представление о ключевой роли жизни и смерти и выдвинул в противовес ей концепцию жизни вне пределов пространства и времени, сопряженную с избавлением от эго [20. С. 296]. Людвиг Витгенштейн разделял это мнение: «Временное бессмертие человеческой души, означающее, следовательно, ее вечную жизнь даже после смерти, не только ничем не гарантировано, но прежде всего это предположение не выполняет даже того, чего с его помощью всегда хотели достичь. Решается ли какая-либо загадка тем, что я вечно продолжаю жить? Не является ли поэтому эта вечная жизнь настолько же загадочной, как и настоящая? Решение загадки жизни в пространстве и времени лежит вне пространства и времени» [11. 6.4312]. Как тут не вспомнить «Смерть Ивана Ильича»? Отношение Толстого к Иусусу также было своеобразным. Писатель считал его не Богом, но великим наставником человечества, следовавшим своему собственному (нравственному) учению и тем самым продемонстрировавшим, что Царство Божие действительно находится внутри человека и может быть достигнуто действием, путем морального очищения [13. С. 20].

Витгенштейн занял сходную позицию. Мыслитель не верил, что Иусус будет судить его после смерти, а потому отказывался называть Его Богом [21. С. 155]. Впрочем, в отличие от Толстого, Витгенштейн склонялся к признанию Воскресения Иусуса [21. С. 155]. Наконец, следует упомянуть, что Витгенштейн разделял и критическое отношение Толстого к институту Церкви. «Религия будущего будет обходиться без священников и проповедников. Думаю, что тебе и мне придется научиться жить без утешения членством в Церкви», — сказал он 1930 г. своему другу и ученику Морису Друри (Maurice Drury), собиравшемуся вступить в католическую Церковь [8. С. 200].

2.3. Мораль и этика

Моральное учение Льва Толстого основывалось на его религиозных взглядах. Он рассматривал учение Иусуса прежде всего как этическое и вывел на его основе пять правил межчеловеческих отношений, сформулированных в «Соединении и переводе четырех Евангелий», в трактате «В чем моя вера?» и в романе «Воскресение»: 1) не гневайся; 2) не блуди; 3) не клянись; 4) не противься злу насилием; 5) не воюй.

Тесную связь между между религией и этикой подчеркивал и Людвиг Витгенштейн, считая, что эти оба явления посвящены изучению смысла мира и жизни [16. С. 19]. «Все доброе является также божественным. Странным образом имен-

но в этом заключается смысл моей этики. Только сверхъестественное может выразить сверхъестественное», — написал он в 1929 г. [22. С. 55].

Толстой высоко ценил тяжелый (физический) труд в интересах других людей — об этом он неоднократно говорил как в жизни, так и в литературных и публицистических произведениях, в том числе и в «Соединении и переводе четырех Евангелий», например:

> Не заботьтесь о том, что будете есть. Вы будете трудиться для других. А того, кто трудится для других, будут всегда кормить те, на кого он трудится. Матф. X, 10. Луки X, 7 [9. Т. 24. С. 961].

Людвиг Витгенштейн воспринял свое участие в Первой мировой войне именно как труд, при этом видя связь между трудом, Богом (Духом), моралью и долгом [19. С. 238].

Об этом свидетельствуют многочисленные записи в его дневнике военных лет, в том числе многократно повторяемая фраза «Благодать труда!!!» [19. С. 238]. При этом мыслитель категорически отвергал ксенофобию: «Пойми людей! Всякий раз, когда ты захочешь ненавидеть, лучше постарайся понять!» [8. С. 190, 191]. Этот призыв был одной из главных тем в «Соединении и переводе четырех Евангелий» [8. С. 191].

Следует также отметить, что (основанное на даосской концепции у-вэй) [23] толстовское учение о «неделании», т.е. о воздержании от порочных, ненужных или бессмысленных поступков [9. Т. 45. С. 9344—9353], оказало влияние и на Людвига Витгенштейна, оставившего в самый разгар Первой мировой войны (11 июня 1916 г.) в своем дневнике многозначительную запись: «Я не могу подчинить события мира своей воле: я совершенно беспомощен. Я только могу сделать себя независящим от мира и тем самым в определенном смысле управлять им, отказываясь от какого бы то ни было влияния на события» [18].

2.4. Политика

Вопреки расспространенному суждению Людвиг Витгенштейн не являлся абстрактным аполитичным мыслителем. Напротив, он утверждал, что бессмысленно изучать философию, которая всего лишь дает возможность «более или менее убедительно беседовать о каких-то запутанных вопросах логики и т.п.» без улучшения представлений о «важных вопросах повседневной жизни» [24. С. 39] Далеко не последнюю роль в формировании политических и социальных идей Людвига Витгенштейна оказали взгляды «яснополянного гения».

Лев Николаевич известен резкой критикой западной цивилизации «со своими крупповскими пушками, бездымным порохом, колонизацией Африки, управлением Ирландии, парламентом, журналистикой, стачками, конституцией и Эйфелевой башней» [9. Т. 28. С. 37], равно как и резко отрицательным отношением к модернистскому искусству, потому что «цель искусства есть объединение людей в одном и том же чувстве» [9. Т. 78. С. 67].

Схожие взгляды высказывал и Людвиг Витгенштейн. В 1930 году в предисловии к своему запланированному, но так и ненаписанному трактату он осудил «дух

европейской и американской цивилизации», проявляющийся «в современности, в промышленности, в архитектуре, в музыке, в фашизме и *социализме* (курсив наш — *Д.Ф.*)» [25. С. 187]. На первый взгляд столь резкой критике социализма противоречит общеизвестная симпатия Людвига Витгенштейна к Советскому Союзу. Еще в 1922 г. он упомянул о возможности поездки в СССР, а 7 сентября 1935 г. кембриджский преподаватель Витгенштейн действительно туда отправился — причем с твердым намерением остаться в этой стране навсегда и работать простым колхозником или полярником [8. С. 192]. Как тут не вспомнить Льва Николаевича, покинувшего сытую Ясную Поляну в надежде провести остаток своих дней в какой-нибудь богом забытой болгарской или кавказской деревне!

Такое странное поведение объясняют слова родственника Витгенштейна, мыслителя Фридриха Августа фон Хайека (Friedrich August von Hayek), о том, что Россия означала для Витгенштейна скорее Толстого, чем Маркса [26; 27] и что «страдания, которые претерпевает Россия, обещают нечто в будущем, в то время как вся наша болтовня (т.е. дискуссии членов собиравшегося в 1924—1936 гг. "Венского кружка") бесполезна» [28. С. 142].

Людвиг Витгенштейн был убежден в возможности осуществления общественно-социальных идеалов Льва Толстого в Советской России вследствие Октябрьских событий вопреки убеждениям большевиков, а не благодаря им. Впрочем, «протрезвление» наступило быстро и 1 октября 1935 г. он был снова в Кембридже. «У него были сомнения политического характера. И кроме того он чувствовал, что (в СССР) ему пришлось бы провести остаток своих дней как в какой-нибудь армии, а это трудно для образованных людей» [29. С. 92]. Эта подчеркнутая двусмысленность позднего периода жизни Людвига Витгенштейна привела к тому, что и официальное отношение к нему в СССР стало двойственным. «Логико-философский трактат» был переведен на русский язык уже в 1958 г., и в то же время в официальной советской научной литературе он практически не упоминался [27. С. 92].

2.5. Педагогика

Как известно, Лев Николаевич Толстой был не только великим писателем и мыслителем, но и выдающимся педагогом. Уже в 1849 г. он обучал грамоте крестьянских детей в Ясной Поляне [30], а примерно десять лет спустя, после возвращения из двух поездок за рубеж (он посетил Германию, Францию, Швейцарию, Великобританию и Бельгию, где наблюдал работу школ), Толстой выступил с резкой критикой современной ему системы образования. «Стоит взглянуть на одного и того же ребенка дома, на улице, или в школе, — то вы видите жизнерадостное, любознательное существо, с улыбкой в глазах и на устах, во всем ищущее поучения, как радости, ясно и часто сильно выражающее свои мысли своим языком, — то вы видите измученное, сжавшееся существо, с выражением усталости, страха, скуки, повторяющее одними губами чужие слова на чужом языке, — существо, которого душа, как улитка, спряталась в свой домик, все высшие способности — воображение, творчество, соображение — уступают место каким-то другим, полуживотным способностям — одним словом, способность подавлять в

себе все высшие способности для развития только тех, которые совпадают со школьным состоянием — страх, напряжение памяти и внимание...» [9. Т. 8. С. 14]. При этом Толстой не ограничился простым осуждением, но попытался спасти будущих «Пушкиных, Остроградских, Ломоносовых, (которые) кишат в каждой школе» [30] путем реформирования авторитарной системы образования согласно новому правилу: «Критериум педагогики есть только один — свобода» [9. Т. 8. С. 24]. Новые дидактические принципы писатель видел в сознательности и активности обучения, связи обучения с жизнью, доступности обучения, прочности усвоения знаний, природосообразности, сознательности и активности, а также в дружбе между учителем и учеником вместо слепой покорности последнего [31]. Первым шагом на пути претворения этих идей стало открытие школы в 1859 г. Яснополянской школы, заложившей основы современного антиавторитарного образования.

В этом учебном заведении особое внимание уделялось наглядности обучения, а также созданию дружеской атмосферы в классе и школе. С этой целью занятия нередко проводились в поле, в саду, в парке; школьники предпринимали экскурсии, занимались плаваньем, катались на лыжах [32].

Учителя (Лев Толстой и его единомышленники) обучали школьников в доброй и непринужденной манере, беседуя с ними [33]. Однако, несмотря на успехи учеников и живой отклик в России и за рубежом, Яснополянскую школу (а также педагогический журнал «Ясная Поляна») в 1863 г. пришлось закрыть из политических и личных мотивов. Вплоть до последних лет жизни Толстой пытался вернуться к преподавательской деятельности; он перешел от активной преподавательской деятельности к теоретической педагогике.

В 1872 году Толстой издал написанную в соответствии со своими дидактическими взглядами и требованиями к учебной книге «Азбуку», впоследствии переработанную и переизданную в 1875 г. под заглавием «Новая азбука». Им были составлены также четыре «Русские книги для чтения». Как «Азбука», так и книги для чтения выдержали каждая свыше 30 изданий, разошлись в миллионах экземпляров и были, наряду с «Родным словом» Ушинского, самыми распространенными учебными книгами в земских начальных школах [30].

Характерными чертами этих произведений были высокая художественность, лаконичность, красочность, полная доступность детскому пониманию, занимательность, превосходный русский язык. Сведения по природоведению, географии, истории были даны в форме ярких художественных произведений [30].

Через десять лет после смерти Толстого Людвиг Витгенштейн решил вступить на тропу, «проторенную учителем», тем более что образовательная ситуация в Австрии после завершения Первой мировой войны, падения династии Габсбургов и распада Австро-Венгерской империи существенно не изменилась по сравнению с серединой XIX в.

Целью габсбугских школ было воспитание законопослушных и богобоязненных, хотя и образованных, верноподданных. Основой обучения являлось запоминание и воспроизведение материала при игнорировании собственных творческих способностей учеников [34. С. 107].

Социалисты, игравшие заметную роль в австрийской политике первых послевоенных лет, в особенности Отто Глёкель (бывший министром просвещения в 1918—1920 гг.), постарались изменить эту ситуацию путем проведения кардинальной реформы школьного образования. Ее целью было превращение детей в активных участников учебного процесса, приобретающих знания путем активной индивидуальной работы, более самостоятельного и независимого мышления [34. С. 107, 108].

Людвиг Витгенштейн относился к планам Глёкеля скорее скептически [35], однако увидел в реформе образования возможность (хотя бы отчасти) претворить в жизнь педагогические взгляды Льва Николаевича Толстого.

Подобно Толстому и его сотрудникам, часто проводившим уроки на природе, Витгенштейн (и его сестра Гермина) организовывали (и оплачивали) многодневные экскурсии детей в Вену и Глоггниц.

> Пробираясь через лес, чтобы успеть на идущий из Глоггница поезд, дети собирали известные им по школьным занятиям камни и растения. На улицах Вены Витгенштейн обрушивал на учеников лавину сведений и вопросов, показывая им архитектурные стили, машины и массу других вещей. В Музее техники дети, опираясь на ранее полученные знания, объясняли устройство различных приспособлений: паровой машины, шкивов и т.д. В Траттенбахе Витгенштейн рассказал ученикам о законах рычага, а на экскурсии учил применять их в необычных ситуациях. Очутившись около собора Св. Стефана, они рассматривали зарисованные некогда на уроках рельефы и архитектурные стили — готику, барокко. Во время прогулок по городу или посещения Дворца Шенбрунн Витгенштейн указывал на колонны и просил детей определить, к какому ордену — ионическому, дорическому или коринфскому — они относятся. Лишь к концу экскурсии стихал «артобстрел» вопросами [36. С. 217—218].

При этом Витгенштейн поддерживал и ободрял своих учеников.

> Обратный поезд прибывал в Глоггниц ночью, и Витгенштейну вместе с детьми приходилось 20 миль идти по темному лесу. Почувствовав, что кто-то из детей боится, Витгенштейн по очереди подходил к каждому ученику и спрашивал: «Тебе страшно? Ну, тогда думай только о Боге» [36. С. 217—218].

Он также не считал зазорным для себя просить у школьников прощения:

> На уроке арифметики мы сидели на первом ряду. Моя подруга Анна Фёлькерер и я один раз решили не отвечать на вопросы. Витгенштейн удивлялся: «Что с вами?» На вопрос, сколько будет трижды шесть, Анна сказала «Я не знаю». Меня он спросил, сколько метров составляет километр. Я ничего не сказала. Тогда Витгенштейн сказал: «Если вы не знаете, я спрошу у ребенка из младших классов, который знает». После урока Витгенштейн позвал меня в кабинет и спросил: «Ты не хочешь учить арифметику или не можешь?» Я сказала: «Да, я хочу». Витгенштейн сказал мне: «Вообще ты хорошая ученица, но вот арифметика... Или, может быть, ты больна? У тебя болит голова?» Тогда я солгала: «Да». «Тогда, — сказал Витгенштейн, — пожалуйста, пожалуйста, Бреннер, можешь ли ты простить меня?» Когда он это говорил, он молитвенно сложил руки. Я сразу почувствовала свою ложь и позор [37. С. 196—196].

Однако консервативные деревенские жители вскоре ополчились на странного господина, который местного диалекта не знал, отличался фанатичным аскетизмом, в церковь практически не ходил, но при этом (под влиянием «Соедине-

ния и перевода четырех Евангелий») называл себя «евангелистом» [5. С. 1065]. Кроме того, они (безосновательно) подозревали, что «знатный барон» хочет отвадить их детей от крестьянского труда и убедить их уехать в город учиться [34. С. 111, 114].

Людвиг Витгенштейн был вынужден в течение пяти с половиной лет сменить четыре места работы, был ложно обвинен в истязании ребенка, подвергнут судебному процессу с унизительным психическим обследованием и, хотя в конце-концов был оправдан, вынужден был оставить учительскую профессию [34. С. 121—124].

Витгенштейн последовал примеру Толстого и опубликовал в 1926 г. Словарь для народных школ (Wörterbuch für Volksschulen), во многом используя те же дидактические методы, что и русский писатель [8. С. 202—203].

О том значении, которое придавал этой книге ее создатель, свидетельствует факт, что за почти сорокалетнюю историю своей научной деятельности Витгенштейн из приблизительно 20 000 страниц своего наследия опубликовал всего три сочинения — доклад для научной конференции «Несколько заметок о логической форме» (Some Remarks on Logical Form) в 1929 г., «Логико-философский трактат» и Словарь для народных школ [39. С. 62].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы процитировать слова близкого друга Льва Толстого — выдающегося российского юриста и и общественного деятеля Анатолия Кони: «Пустыня вечером кажется мертвой, но вдруг раздается рев льва, выходит на охоту лев, и пустыня оживает; какие-то ночные птицы кричат, какие-то звери откликаются ему, и оживает пустыня. Вот так в пустыне пошлой, однообразной, гнетущей жизни раздавался голос Льва Толстого, и он будил людей» [39].

Одним из тех, кого разбудил голос Льва Толстого, был Людвиг Витгенштейн.

© Дирк Фалькнер, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Wittgenstein L.* Geheime Tagebücher 1914—1916. Hg. v. W. Braun. Wien, 1991.
2. *James W.* The Varieties of Religious Experience. London, 1902.
3. *Schulte J.* Wittgenstein. Eine Einführung. Stuttgart, 2001.
4. *Hodel R.*, Ludwig Wittgenstein. George M., Herlth J., Münch C., Schmid U., Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker. Göttingen, 2014.
5. *Iven M.*, Leben als gelebte Ethik. Ludwig Wittgenstein zum 50. Todestag. Utopie Kreativ Nr. 134. Dezember 2001. PP. 1061—1070.
6. *Immler N.L.* Das Familiengedächtnis der Wittgensteins, Berlin 2011.
7. *Baum W.* Wittgensteins Tolstojanisches Christentum. Österreichische Philosophen und ihr Einfluss auf die analytische Philosophie der Gegenwart. 1977. Vol. 1. P. 339—349.
8. *Milkov N.* Tolstoi und Wittgenstein: Einfluss und Ähnlichkeiten. Prima Philosophia. 2003. Vol. 16. Pp. 187—206.
9. *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1928—1958.
10. *Thompson C.* Wittgenstein, Tolstoy and the Meaning of Life. Philosophical Investigations. 1997. Vol. 20. Pp. 97—116.

11. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат 6, 53. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/ (Accessed 12 November 2016).
12. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/ (Accessed 12 November 2016).
13. *Bogdanov N.* Leo N. Tolstoi und Ludwig Wittgenstein oder das Ethische als Grundprinzip // Akten des 21. Internationalen Wittgenstein-Symposiums. 1998. Vol. 27. Pp. 15—22.
14. *Шифман А.И.* Лев Толстой и Восток. М., 1960. 540 с.
15. *Birukoff P.* Tolstoi und der Orient. Briefe und sonstige Zeugnisse über Tolstois Beziehungen zu den Vertretern orientalischen Religionen. Zürich, Leipzig, 1925.
16. *Munz R.* Von mir kann ich nichts sagen. Ich lebe noch immer Ludwig Wittgensteins Schreiben im Ersten Weltkrieg. Arnswald U., Weiberg A., Der Denker als Seiltänzer. Düsseldorf, 2001. Pp. 157—178.
17. *Hellerer H.* Tolstois "Kurze Auslegung des Evangeliums" und Wittgensteins "Tractatus Logico-Philosophicus". Religionsphilosophie. Akten des 8. Internationalen Wittgenstein-Symposiums. Teil 2 — Wien 1984. Pp. 164—166.
18. *Витгенштейн Л.* Из «Тетрадей 1914—1916». URL: http://libmir.net/iz-tetradey-1914-1916-fb2-doc-89408.html (Accessed 12 November 2016).
19. *Somavilla I.* Spuren Tolstois in Wittgensteins Tagebüchern In: Personen. Ein interdisziplinärer Dialog. Persons. An Interdisciplinary Approach. Beiträge des 25. Internat. Wittgenstein Symposiums in Kirchberg am Wechsel. Österr. Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. 2002. Pp. 237—240.
20. *Edgerton W.B.* Tolstoy, Immortality, and Twentieth Century Physics. Canadian Slavonic Papers 21(1979). Pp. 289—299.
21. *Young W.* Wittgenstein and Christianity. Religions philosophie. Akten des 8. Internationalen Wittgenstein-Symposiums. Teil 2 Wien 1984. Pp. 153—156.
22. *Gottwald P.* Moderne Spiritualität — die zeitgemäße Aktualisierung des Mystischen. Berlin, 2010.
23. *Чэнь Бин.* Принцип неделания в религиозно-нравственном учении Л.Н. Толстого: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Тула.
24. *Malcolm N.* Ludwig Wittgenstein: A Memoir. London, 1958.
25. *Nyíri J. K.* Gefühl und Gefüge: Studien zum Entstehen der Philosophie. Amsterdam, 1986.
26. *Moran J.* Wittgenstein and Russia. New Left Review, I/73, May-June, 1972.
27. *Бирюков Б.В., Бирюкова Л.Г.* Людвиг Витгенштейн и Софья Александровна Яновская. «Кембриджский гений» знакомится с советскими математиками 30-х годов. М., 2004.
28. *Waismann F.* Wittgenstein und der Wiener Kreis. Oxford, 1967.
29. *Wittgenstein L.* Biographie — Philosophie –Praxis. Eine Ausstellung der Wiener Secession. Wien, 1989.
30. *Константинов Н.А., Медынский Е.Н., Шабаева М.Ф.* Педагогическая деятельность и взгляды Л.Н. Толстого. URL: http://www.detskiysad.ru/ped/ped126.html (Accessed 12 November 2016).
31. Педагогические воззрения Л.Н. Толстого. URL: http://tolstoyschool.com/pedagogicheskaja-dejatelnost-tolstogo/pedagogicheskie-vozzrenija.html (Accessed 12 November 2016).
32. *Lausberg M.* Die Pädagogik Tolstois. Tabula rasa. Zeitschrift für Gesellschaft und Kultur. 2014. No. 106.
33. *Klemm U.* Libertäre Pädagogik IV: Leo Tolstoi (1828—1910).
34. *Руднев В.* Божественный Людвиг. Формы жизни. М., 2002.
35. *Giesinger J.* Abrichten und Erziehen. Zur pädagogischen Bedeutung der Spätphilosophie Ludwig Wittgensteins // Pädagogische Rundschau. 2008. No. 62. S. 285—298.
36. *Руднев В.* Витгенштейн — Людвиг Витгенштейн: Человек и мыслитель. М., 1993.
37. *Monk R.* Ludwig Wittgenstein: The Duty of genius. London 1990. P. 195—196.
38. *Vossenkuhl W.* Ludwig Wittgenstein. München, 2003.
39. *Мень А.В.* Религиозно-философские взгляды Льва Николаевича Толстого. URL: http://www.alexandrmen.ru/books/mdc/mdc4_04.html (Accessed 12 November 2016).

История статьи:
Поступила в редакцию: 27.12.2016
Принята к публикации: 26.05.2017
Модератор: О.А. Валикова
Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:
Фалькнер Д. Восприятие идей Льва Толстого Людвигом Витгенштейном // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 3. С. 504—516. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-504-516

Сведения об авторе:
Дирк Фалькнер — магистр в области юриспруденции Хагенского Университета, Германия. E-mail: Dirk.Falkner@hotmail.com

THE RECEPTION OF LEO TOLSTOY'S IDEAS BY LUDWIG WITTGENSTEIN

Dirk Falkner

Hagen University
Hagen, Germany, 58084

The article explores the long and productive reception of Leo Tolstoy's ideas by the Austrian philosopher Ludwig Wittgenstein (1889—1951). The fields of research are the analytical and philosophical, religious, moral/ ethical, political and pedagogical aspects. The author explores in details, why the work of Tolstoy had a decisive influence on the worldview of the foreign thinker, reveals direct impact, and also demonstrates that even contradictions in their ideas, shall be paradoxically explained by the revisionist understanding of Tolstoy's ideas by Ludwig Wittgenstein.

Key words: Leo Tolstoy, Ludwig Wittgenstein, philosophy, 20th century

REFERENCES

1. Wittgenstein L. Geheime Tagebücher 1914—1916. Hg. v. W. Braun. Wien, 1991. 186 p.
2. James W. The Varieties of Religious Experience. London, 1902. 374 p.
3. Schulte J. Wittgenstein. Eine Einführung. Stuttgart, 2001. 160 p.
4. Hodel R. Ludwig Wittgenstein. George M., Herlth J., Münch C., Schmid U., Tolstoj als theologischer Denker und Kirchenkritiker. Göttingen, 2014. 772 p.
5. Iven M. Leben als gelebte Ethik. Ludwig Wittgenstein zum 50. Todestag. Utopie Kreativ Nr. 134. Dezember 2001. Pp. 1061—1070. 10 p.
6. Immler N.L. Das Familiengedächtnis der Wittgensteins. Berlin, 2011. 398 p.
7. Baum W. Wittgensteins Tolstojanisches Christentum. Österreichische Philosophen und ihr Einfluss auf die analytische Philosophie der Gegenwart. 1977. Vol. 1. P. 339—349.
8. Milkov N. Tolstoi und Wittgenstein: Einfluss und Ähnlichkeiten. Prima Philosophia. 2003. Vol. 16. Pp. 187—206. 10 p.

9. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenij*. Moscow, 1928—1958.
10. Thompson C. Wittgenstein, Tolstoy and the Meaning of Life. Philosophical Investigations. 1997. Vol. 20. Pp. 97—116.
11. Wittgenstein L. *Logiko-filosofskij traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/ (Accessed 12 November 2016).
12. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovanija* [Philosophical Investigations]. URL: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000273/ (Accessed 12 November 2016).
13. Bogdanov N. Leo N. Tolstoi und Ludwig Wittgenstein oder das Ethische als Grundprinzip // Akten des 21. Internationalen Wittgenstein-Symposiums. 1998. Vol. 27. Pp. 15—22.
14. Shifman A.I. *Lev Tolstoy i Vostok* [Leo Tolstoy and the Orient]. M., 1960. 540 p.
15. Birukoff P. Tolstoi und der Orient. Briefe und sonstige Zeugniss über Tolstois Beziehungen zu den Vertretern orientalischen Religionen. Zürich, Leipzig, 1925. 266 p.
16. Munz R. Von mir kann ich nichts sagen. Ich lebe noch immer Ludwig Wittgensteins Schreiben im Ersten Weltkrieg. Arnswald U., Weiberg A., Der Denker als Seiltänzer. Düsseldorf, 2001. Pp. 157—178.
17. Hellerer H. Tolstois "Kurze Auslegung des Evangeliums" und Wittgensteins "Tractatus Logico-Philosophicus" // Religionsphilosophie. Akten des 8. Internationalen Wittgenstein-Symposiums. Teil 2 — Wien 1984. Pp. 164—166.
18. Wittgenstein L. *Iz «Tetradej 1914—1916»* [Notebooks 1914—1916]. URL: http://libmir.net/iz-tetradey-1914-1916-fb2-doc-89408.html (Accessed 12 November 2016).
19. Somavilla I. Spuren Tolstois in Wittgensteins Tagebüchern In: Personen. Ein interdisziplinärer Dialog. Persons. An Interdisciplinary Approach. Beiträge des 25. Internat. Wittgenstein Symposiums in Kirchberg am Wechsel. Österr. Ludwig Wittgenstein Gesellschaft. 2002. Pp. 237—240.
20. Edgerton W.B. Tolstoy, Immortality, and Twentieth Century Physics. Canadian Slavonic Papers 21(1979). Pp. 289—299.
21. Young W. Wittgenstein and Christianity. Religions philosophie. Akten des 8. Internationalen Wittgenstein-Symposiums. Teil 2 — Wien 1984. Pp. 153—156.
22. Gottwald P. Moderne Spiritualität — die zeitgemäße Aktualisierung des Mystischen. Berlin, 2010. 170 p.
23. Bing Chen. *Princip nedelanija v religiozno-nravstvennom uchenii L.N. Tolstogo*: avtoref. diss. ... kand. filos. nauk [The principle of non-acting in the religious and moral teaching of L.N. Tolstoy. Cand. phil. sci. diss.]. Tula, 2004. 22 p.
24. Malcolm N. Ludwig Wittgenstein: A Memoir. London, 1958. 144 p.
25. Nyíri J.K. Gefühl und Gefüge: Studien zum Entstehen der Philosophie. Amsterdam, 1986. 193 p.
26. Moran J. Wittgenstein and Russia. New Left Review, I/73, May-June, 1972. 11 p.
27. Birjukov B.W., Birjukova L.G. *Ludwig Witgensteyn i Sofya Aleksandrovna Janovskaja. «Kembridzhskij genij» znakomitsja s sovetskimi matematikami 30-h godov* [The genius of Cambridge meets the Soviet mathematicians of 1930s]. Logicheskie issledovanija [Logical Research]. Moscow, 2004. 50 p.
28. Waismann F. Wittgenstein und der Wiener Kreis. Oxford, 1967. 266 p.
29. Wittgenstein L. Biographie — Philosophie — Praxis. Eine Ausstellung der Wiener Secession. Wien, 1989.
30. Konstantinov N.A., Medynski E.N., Shabayeva M.F. *Pedagogicheskaja dejatelnost i vzgljady L.N. Tolstogo* [Pedagogical Activity and views of L.N. Tolstoy]. URL: http://www.detskiysad.ru/ped/ped126.html (Accessed 12 November 2016).
31. *Pedagogicheskie vozzrenija L.N. Tolstogo* [Pedagogical Views of L.N. Tolstoy]. URL: http://tolstoyschool.com/pedagogicheskaja-dejatelnost-tolstogo/pedagogicheskie-vozzrenija.html (Accessed 12 November 2016).
32. Lausberg M. Die Pädagogik Tolstois. Tabula rasa. Zeitschrift für Gesellschaft und Kultur. 2014. No. 106. URL: http://www.tabularasamagazin.de/die-paedagogik-tolstois/ (Accessed 12 November 2016).

33. Klemm U. Libertäre Pädagogik IV: Leo Tolstoi (1828—1910). URL: https://paxxreloaded.wordpress.com/2011/02/24/libertare-padagogikiv-leo-tolstoi-1828-1910/ (Accessed 12 November 2016).
34. Rudnev B. *Bozhestvennyj Ljudvig Vitgenshtejn. Formy zhizni*. S. 111, 114 [Divine Ludwig. Wittgenstein. Forms of Life. Pp. 111, 114]. Moscow: Fond nauchnyh issledovanij "Pragmatika kul'tury" Publ., 2002. 232 p.
35. Giesinger J. Abrichten und Erziehen. Zur pädagogischen Bedeutung der Spätphilosophie Ludwig Wittgensteins. Pädagogische Rundschau. 2008. No. 62. P. 285—298.
36. Rudnev B. *Vitgenshtejn — Ljudvig Vitgenshtejn: Chelovek i myslitel*. Moscow, 1993. 352 p.
37. Monk R. Ludwig Wittgenstein: The Duty of genius. London 1990. 704 p.
38. Vossenkuhl W. Ludwig Wittgenstein. München, 2003. 368 p.
39. Men A.V. *Religiozno-filosofskiye vzglyasy Lva Nikolayevicha Tolstogo* [Leo Nikolayevich Tolstoy's Religious and Philosophical Teachings]. URL: http://www.alexandrmen.ru/books/mdc/mdc4_04.html (Accessed 12 November 2016).

Article history:
Received: 27.03.2017
Accepted: 26.05.2017
Moderator: O.A. Valikova
Conflict of interests: none

For citation:
Falkner D. (2017) The reception of Leo Tolstoy's ideas by Ludwig Wittgenstein. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (3), 504—516. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-504-516

Bio Note:
Falkner Dirk is a master of laws at the University of Hagen. Since November 2015 is a researcher at the University of Hagen, Department of Law. E-mail: Dirk.Falkner@hotmail.com